

Влада Медведникова

Цикл «Песни звезд»

Книга I

ПРЕДВЕСТНИКИ МЕЛЬТИАРА

POPCORN BOOKS

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
М42

ПРЕДВЕСТНИКИ МЕЛЬТИАРА

Влада Медведникова

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Медведникова, Влада.

М42 Предвестники Мельтиара : [роман] / В. Медведникова. — Москва : Porcorn Books, 2023. — 336 с.

ISBN 978-5-6048361-9-4

Королевство процветает, однако его жители постоянно пребывают в тревоге. Сотни лет назад их предки завоевали эту страну, истребив населявший ее темный магический народ. Но ходят слухи, что народ этот не исчез, а его выжившие представители просто прячутся, пробираются в города и деревни, ничем не выдают себя, выжидают. Люди опасаются, что темный народ проник уже всюду и каждый, даже друг или родственник, может оказаться врагом. Жизнь пронизана страхом и ожиданием войны. И война начинается. Эли — волшебник на королевской службе. Арца — девушка из темного народа. Они встретились еще до войны, но теперь сражаются по разные стороны.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-6048361-9-4

© Влада Медведникова, 2022
© Cover art by Ashley Mackenzie, 2022
© Издание, оформление.
Porcorn Books, 2023

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

«Твое место здесь, не уходи из Рощи».

Эти слова звучали так часто, что я забыл, от кого услышал их впервые. Наверное, каждый из живущих в Роще просил меня остаться, но я все равно ушел.

Чувствовал: если задержусь еще на год, как просил учитель, то стану таким же, как все здесь. Буду учиться и учить, бродить в тени деревьев, петть на берегу ручья, следить, как восходит и заходит солнце. Мир за стенами Рощи перестанет манить меня, я забуду о том, к чему стремился.

Поэтому я не стал слушать советов и ушел.

Знал, что поступил правильно, — ведь теперь, приходя в Рощу, я словно погружался в сон, глубокий и спокойный, наполненный шелестом листвы, голосами птиц и движением волшебства. Роща была прекрасным видением, так непохожим на реальность. А я хотел жить наяву.

Я вырос среди деревьев, привык вслушиваться в шаги, узнавать людей по голосам. Солнечные блики и глубокие тени рассекали тропы, ветви заслоняли простор. А в воздухе всегда текла сила, отзвук чужих песен, — она колола пальцы и холодила дыхание.

За стенами Рощи мир был другим.

Деревья там не скрывали горизонт, не заслоняли небо и не сдерживали ветер. Насколько хватало глаз простирались поля, лоскутным одеялом уходили вдаль, теряли цвет, становились безжизненной равниной и разбивались о черную гряду гор. Или превращались в песчаные склоны, поросшие редкой сухой травой, — холмы спускались к морю, тонули в прибое. Я никогда не видел море спокойным, волны пенились и шипели у моих ног, ветер был полон соли, не давал дышать. Я часто летал на побережье — я родился где-то там, в одной из рыбацких деревень.

Но, где бы я ни родился, я был рад, что попал в Атанг. Главный город страны белой скалой вспарывал равнину, дома разбегались от дворца — плоские крыши, лестницы, широкие улицы, — а среди камней и городского шума зеленела Роща волшебников. Остров спокойствия и тишины.

Учитель считал: мое место там, но я знаю, что он ошибся.

Я забежал попрощаться с ним и теперь шел обратно, к воротам в город. Нима провожала меня, в опавшей хвое таяли ее шаги. То и дело поворачивалась ко мне, ловила взгляд, и солнце отражалось в ее карих глазах, искрами вспыхивало на волосах.

— Учитель не расстроился, что ты улетаешь? — спросила она.

Мы с Нимой были единственными учениками Зертилена. Выросли вместе, вместе учились, играли среди сосен, дружили и враждовали с другими детьми в Роще. Потом я ушел, а Нима осталась — как и прежде, собирала травы, варила целебные настои, пела и слушала учителя. Я не знал своих родных, но Нима была мне как сестра.

Я отмахнулся.

— Спросил, не пошлют ли со мной большой отряд. — Мы засмеялись вместе, и я добавил: — Думаю, он рад, что вы брали меня.

По Зертилену трудно было понять, рад он или нет. Он пожелал мне удачи и тихо спел над моим оружием — но я не знал этой песни.

Я не стал рассказывать об этом Ниме.

Тропинка нырнула под деревянные створки ворот, и мы остановились. Нима сжала мою руку, прежде чем я успел попрощаться.

— Эли, ты ничего не видел? — спросила она.

Это была наша с Нимой тайна. В тринадцать лет я заболел, лежал в лихорадке и бредил. Нима сидела тогда со мной и потом пересказала, что я говорил. Мы знали, что надо быть внимательными к любым вестям, пришедшим из сна или забытья, и стали ждать. Слова, рожденные лихорадкой, сбылись, и с тех пор я несколько раз наблюдал, как предчувствия и неясные видения становятся правдой.

Не знаю, почему мы никому не рассказали о моих пророчествах. Это стало нашей тайной.

Я покачал головой:

— Нет. Все тихо.

Возможно, Нима сама видела что-нибудь. Может быть, ее мучили предчувствия или сны, которыми она боялась поделиться даже со мной. Может, она гадала, как часто делают девушки в Роцце, и ей выпало темное предсказание. Или услышала обрывок чужого разговора. Или просто беспокоилась за меня. Я уже жалел, что попрощался и вышел за ворота, ни о чем не разузнав.

Я обернулся к деревянной створке. Она заскрипела под моей рукой, готовая распахнуться. Но я и так пробыл в Роцце

слишком долго — солнце подходило к зениту. Уже некогда было возвращаться, расспрашивать Ниму.

От Роши до казарм идти не так долго. Потороплюсь — и успею до удара гонга, до четвертой смены стражи. А если бы я мог взлететь, то оказался бы на месте почти мгновенно. Не пришлось бы шагать по каменному лабиринту: крыши, лестницы и мощные улицы пронесли бы подо мной со скоростью ветра.

Я могу летать. Я уже поднимался в небо.

Об этом так легко забыть, когда идешь вдоль белых и серых стен, стремясь срезать путь, ныряешь в переулки и ждешь в толпе, пока повозка проедет, освободит дорогу.

Да, я умею летать, моя лодка отправится сегодня в первый дальний полет. Я почти год ждал этого дня, и теперь все решено.

Но я торопился и опаздывал — и досада гасила радость предвкушения. Я хотел попрощаться с городом, как простился с Рощей и со всеми, кто жил там: хотел идти неспешно, смотреть по сторонам, кивать знакомым, запоминать этот день. Но не видел ничего, кроме собственных мыслей, — они клубились, тянули то в Рощу, то в небо, заставляли ускорять шаг. И я сам не заметил, как добрался до казармы.

— Рилэн, ты мне проспорил! — крикнул Джерри, когда я шагнул во двор. — Он пришел до пятой стражи!

Со мной не посылают большой отряд, со мной отправятся только двое. Джерри, которого я знал с того дня, как покинул Рощу, и Рилэн, которого я весь год учил управлять лодкой.

Обычно в это время двор пустует, никого и не увидишь, кроме часовых на крепостной стене. Но сегодня здесь толпились рядовые и офицеры, кто в серой форме, кто в черной. Приветственные оклики неслись со всех сторон, сливались в общий гул. Я махнул рукой, не зная к кому обратиться —

кругом было слишком много знакомых. Тех, с кем мы вместе учились, жили в казарме, стояли в карауле. Вчера я простился со всеми на общем построении, и все-таки они пришли проводить меня. Я не знал, что сказать.

Лодка ждала посреди двора, серебристая и легкая, — с каждым шагом я чувствовал, как заключенная в ней песня звучит все громче. Рилэн уже уселся впереди, передвигал рычаги — от его прикосновений неслышимый напев взлетал и звенел.

Джерри хлопнул по борту, нетерпеливо мотнул головой. Смуглый, с вечно насмешливой улыбкой и растрепанными темными волосами, он выглядел сейчас так непривычно — в новой черной форме, с новым ружьем за спиной. Джерри повисли в тот день, когда было решено, что он летит со мной.

Я запрыгнул в лодку и устроился на корме, возле рулевого весла. На дне лежали наши вещи: три вещевых мешка со знаками королевской гвардии, ящики с патронами и ружья. Джерри взял слишком много ружей.

Я сбросил перевязь с плеча, положил на дно и свое оружие. Я не стреляю, мне не пригодятся ни патроны, ни порох. Стальной жезл, острый, как пика, с изогнутым крюком вместо рукояти — вот чем я буду сражаться.

Над этим оружием сегодня мой учитель спел незнакомую песню. Я хотел прислушаться, понять, что за силу он вложил в сталь, но сейчас на это не было времени.

— Ты купил сигареты? — спросил я у Джерри.

— А то! — Джерри усмехнулся и швырнул мне сверток. — Ты у меня в долгу.

Я так и не понял, откуда пришел этот предрассудок, из Роши или от горожан. Все в Атанге были убеждены, что волшебникам нельзя курить. В этом году мне исполнилось двадцать лет, но мне никто не продавал сигареты. Не знаю, что бы я делал, если б не Джерри.

— Залезай уже давай, — сказал я. — А то мы прилетим на место только ночью.

— Ну да, конечно, — согласился Джерри. — Это же меня все тут ждали.

Он сел у левого борта, среди ящиков и оружия. Лодка тихо качнулась на опорах.

— Взлетай, — сказал я ей и Рилэну.

Моей лодке не нужна была поддержка извне, но я не смог удержаться. Закрыв глаза и запел еле слышно. Рулевое весло скрипнуло в уключине, прощальные выкрики взрезали воздух, и ветер развеял их, унес вниз.

Я открыл глаза. Двор разворачивался под нами и становился все меньше, терялся среди серых крепостных стен. Королевский дворец, разноцветная площадь перед ним — все стало таким крошечным. Я вскинул голову. Небо пело вместе со мной, несло навстречу, а грохот сердца отзывался в лодке — словно ее наполняла сила, раскаленная от восторга.

Когда моя песня смолкла, город был уже далеко и внизу зелеными и желтыми лоскутами мелькали поля. Мы летели на запад, к границе. К Форту, охранявшему поселения возле гор.

Джерри смотрел вперед, туда, где земля смыкалась с небом.

— Как думаешь, что у них случилось? — спросил он. — Обычные бандиты нападают или все-таки враги?

— Может быть, там давно не осталось никого, кроме врагов. — Я повернул весло, поймал воздушный поток. — И это ловушка.

— Может быть, — кивнул Джерри и вытащил сигареты. — Будем осторожны.

Мы с детства знали, что враги могут быть где угодно.

2

— Почему вы молчите? Хочу вас выслушать.

Я знала — нужно ответить, но слова казались пустыми и тусклыми.

Уже много лет почти каждый день мы приходим в эту комнату, и каждый раз она другая, незнакомая, но узнаваемая. Переступая порог, я всегда задерживаю дыхание — и все равно кажется, что пол уходит из-под ног. Я не могу предугадать, что увижу: сияющие стены, бесконечные отражения, пропасть, наполненную всполохами огня, или темноту, лежащую как озеро у ног Мельтиара.

Место менялось, но сам Мельтиар оставался прежним, и прежней была его сила — я ни с чем ее не перепутаю, нигде, никогда.

Сегодня мы вошли в пустую комнату. Черные панели убежали к потолку, белый свет отражался в них, бликами ложился на пол. Где-то рядом шумели лопасти, снова и снова рассекали воздух, и искусственный ветер несся на нас, заставлял дышать глубже. Мы ждали Мельтиара — теперь он появился, а мы все еще не проронили ни слова.

Он прошел мимо нас, как мимо строя простых воинов, остановился у стены. Ветер трепал его длинные темные во-

лосы, бросал на лицо, и невозможно было поймать взгляд. Но я знала, что Мельтиар недоволен. Мы все знали.

Я взглянула на остальных. Мы стояли перед ним, четыре звезды Мельтиара, его предвестники, и молчали.

Амира смотрела в пол, ее ресницы часто вздрагивали, словно она боялась расплакаться или заговорить. Рэгийл за-слонял ее от Мельтиара, будто ждал удара и хотел закрыть собой. Лаэнар сжимал кулаки: я знала, он хочет немедленно вернуться в бой, как и я.

Лаэнар взглянул на меня, вздохнул и сказал:

— Мы сделали все, что смогли.

— О. — Мельтиар засмеялся и прислонился к стене. Отражение качнулось на темной поверхности. — Мои предвестники смогли так много... Второй раз вернулись, не вы-полнив задания.

— Но там был этот человек! — воскликнула Амира. Ее голос дрожал, как натянутая струна.

Мне хотелось успокоить ее хотя бы взглядом, но я смо-трела на Мельтиара, я не могла обернуться.

— Амира. — Мельтиар говорил тихо. Как предугадать, что он сделает в следующий миг? Может быть, если бы он назвал мое имя, я поняла бы — но сейчас могла только смо-треть. — Ты так испугалась одного человека?

Мельтиар был почти неподвижен — смотрел мимо нас, вверх, туда где вращались невидимые лопасти. Черная одеж-да сливалась со стеной, и лишь волосы текли темным по-током — ветер не замирал ни на мгновенье.

Амира попыталась ответить, но вышел лишь неразбор-чивый всхлип. Я не сдержалась, шагнула вперед.

— Это был не просто человек, — сказала я. — Он мог летать, нам не удалось напасть сверху. — Мельтиар обер-нулся, поймал мою руку. Его ладонь была горячей, в ней текла та же сила, что всегда наполняла эту комнату. Я за-

пнулась на миг, но договорила: — Я думаю, это был всадник.

— Арца.

Мельтиар сжимал мою руку все крепче, все больнее, и мое имя звенело в этой боли. Я смотрела в его глаза, в темноту, и теперь точно знала: что бы он ни сказал сейчас и что бы ни сделал, он не сердится по-настоящему. Если мы виноваты, мы сможем все исправить. Так и будет.

— Арца, — повторил Мельтиар и наклонился ко мне. — Вас было четверо, а он один, и вы ничего не смогли сделать? Сколько будет всадников, когда начнется война? Сколько будет врагов на каждого из вас? Что вы будете делать тогда?

Мельтиар выпустил мою ладонь и обвел нас взглядом.

— Мы все исправим! — сказал Лаэнар. Его голос звенел, а слова повторяли мои мысли. — Мы вылетим прямо сейчас! Мы сделаем все что угодно, мы готовы умереть!

— Умирать не надо, — возразил Мельтиар. — У вас другое задание.

Мы хорошо знали задание и тренировались так долго — но вот уже второй раз возвращались ни с чем. Мы должны были держать захватчиков в страхе, мы стали ночными демонами, появляющимися из ниоткуда, несущими разрушения и кровь. Но вторую ночь подряд селения чужаков спали спокойно.

Мы отступили дважды — из-за одного-единственного человека.

Я зажмурилась на миг, попыталась справиться с чувствами. В груди что-то царапалось, горело, стыд и чувство вины отравляли душу. Мне сейчас хотелось лишь просить о прощении, но я знала: Мельтиару это не понравится.

— И лететь прямо сейчас тоже не надо, — продолжил он. — Идите спать и вылетайте по расписанию.

— Я могла бы улучшить машину, — тихо проговорила Амира. — Пока все будут спать. Я не успею сделать много, но хотя бы кое-что, и тогда...

— Запрещаю, — сказал Мельтиар и провел пальцем по ее щеке, будто стирал слезу. Должно быть, Амира и правда плакала. — Иди спать.

Она кивнула и пошла к двери. Мне хотелось задержаться, подождать — может быть, он назовет мое имя? Но Мельтиар промолчал, не позвал никого, и все четверо мы вышли в коридор.

Снаружи, за стенами и сводами города, солнце уже перешло полдень. Все говорило об этом: и лампы, сияющие на полную мощность, и привкус дневного воздуха в искусственном ветре. В коридоре былолюдно: кто-то приветствовал нас на ходу, другие молча расступались, давали дорогу.

Я запрокинула голову, взглянула на потолок, на светильники и решетки вентиляции. Меня совсем не клонило в сон, я хотела вырваться стрелой из колодца, черной молнией разрезать синеву неба. Я давно не видела дневного света, тренировки и вылеты начинались с закатом. Как будто мы и правда превратились в ночных демонов.

Скоро все изменится, скоро мы сразимся с врагами открыто. Мельтиар будет с нами, и мир станет нашим.

— Не знаю, — сказал Рэгиль, хмурясь. — Мне кажется, мы должны были объяснить ему, рассказать больше. И дело не в том, сильный или слабый этот всадник... Дело в том, что он нас увидел. Это недопустимо.

Никто не должен видеть, откуда мы прилетаем, никто не должен видеть нашу машину. Мы тайна, мы страх, мы внезапный удар. Рэгиль был прав.

— Но ты промолчал, — ответил Лаэнар, и я услышала вызов в его словах. — Если ты считаешь, что Мельтиар всего этого не знает, почему молчал?

Коридор наполнился звуками — шагами, голосами, шелестом механизмов, — но между нами застыла тишина. Я думала, что Рэгиль не ответит, но он объяснил:

— Обычно говоришь ты. Или Арца. Вы нападающие — и в разговоре, и в битве.

Я хотела возразить: да, мы нападающие, а вы с Амирой пилоты, но все мы предвестники Мельтиара, и мы равны. Только Рэгиль не стал ждать ответа. Он обнял Амиру и повел прочь.

— Не беспокойся. — Лаэнар держал меня за руку и говорил уверенно и легко. — Мы рождены, чтобы победить врагов, какими бы они ни были.

Какими бы они ни были.

Иногда мне кажется, что мы знаем о врагах так же мало, как и они о нас.